ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию МИШАКОВОЙ ЛИДИИ ЛЕОНИДОВНЫ на тему: «Односоставные предложения спрягаемо-глагольного класса: фактор адресанта и адресата (на материале произведений Б. Л. Васильева «Завтра была война» и «Не стреляйте белых лебедей»)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Исследование Л.Л. Мишаковой посвящено функционированию односоставных глагольных предложений (спрягаемо-глагольного типа) в двух известных произведениях Бориса Васильева – в романе «Не стреляйте белых лебедей» и повести «Завтра была война». История изучения односоставных предложений, насчитывающая уже многие десятилетия, демонстрирует нам образцы разных подходов к их описанию и многообразие аспектов их рассмотрения. Тем не менее актуальность вопроса об особенностях устройства и функций односоставных глагольных предложений продолжает сохраняться до сих пор и поддерживается появлением новых значимых публикаций, вносящих важный вклад в осмысление специфики данных построений.

Основное внимание в этой области исследователи уделяют структурным и семантико-синтаксическим характеристикам односоставных предложений, а также проблеме сопряжения глагольных категорий и их соотнесенности с субъектом речи. Диссертант выбирает для исследования другой аспект, сдвигающий фокус анализа на прагматические характеристики и коммуникативно-обусловленные факторы реализации этих построений, рассматривая данные структуры в аспекте функционирования в разных коммуникативных ситуациях и функционально-смысловых типах речи и прежде всего через призму их способности выражать те или иные интенции говорящего.

Это определяет новизну данного исследования. Выбранный ракурс позволяет Л.Л. Мишаковой вычленить наборы коммуникативных и прагматических возможностей односоставных глагольных предложений в языке избранных текстов, показать, как «адресанты под влиянием своей личной ситуации, своих интенций могут стремиться вложить в односоставные предложения дополнительные смыслы, чтобы оказать нужное влияние на адресата» (с. 6).

Выбор материала для исследования обоснован, убедителен. Общий объем исследуемых конструкций – 1180 односоставных спрягаемо-глагольных предложений. Лингвистический материал доступен для верификации и содержится в работе в достаточном объеме.

В первой главе работы Л.Л. Мишакова представляет краткий обзор истории изучения односоставных предложений как в целом, так и поочередно для каждой из трех разновидностей. Как следует и из обзора, так и из последующего изложения, теоретической основой для структурно-семантического анализа служат, в основном, общие классические работы отечественных лингвистов («Грамматика русского языка» (1954), труды А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, В.В. Бабайцевой и др.

В то же время в диссертации принято, вслед за концепцией авторов учебника по русскому языку СПбГУ [Акимова, Вяткина, Казаков, Руднев, 2009], понимание односоставных предложений спрягаемо-глагольного класса, которые не включают безличную разновидность, т.е. «в центре которых находится личная форма глагола, при которой сохраняется позиция именительного падежа субъекта действия, признака или состояния, но она не занята» (Акимова, Вяткина, Казаков, Руднев, 2009). В таком понимании охват спрягаемо-глагольного класса ограничивается определенно-, неопределенно- и обобщенно-личными предложениями, что имеет свои основания и создает цельный объект исследования (безличные предложения, как известно, обладают набором специфических характеристик, позволяющих противопоставить их другим трем разновидностям глагольных односоставных предложений).

Наибольшее внимание в этой главе уделено неопределенно-личным предложениям, для которых представлен комплекс теоретических дискуссионных вопросов, поднимаемых в современной лингвистике в связи с проблемой референции их невыраженного агенса. В то же время для обзора проблематики по определенно-личным и обобщенно-личным предложениям, думается, важным было бы включение ряда значимых публикаций, результаты которых несомненно бы укрепили теоретическую базу исследования и обогатили бы анализ данных, прежде всего: А.В.Бондарко. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991; Зализняк Анна. Второе лицо: семантика, грамматика, нарратология // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., 2012; Князев Ю.П. Обобщенно-личные употребления форм 2-го лица // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, т. 10, ч. 3, 2014. Больше внимания следовало бы уделить проблеме нулевого подлежащего, в диссертации упомянутой лишь бегло в связи с работой Е.А. Седельникова (1961) и статьей Е.В. Падучевой (2012), в том числе определить свое отношение к идее «иллокутивного» обобщенного/генерического нуля (Падучева 2012). Отсутствует такая классическая по данной теме работа, как: Мельчук И.А. Syntactic or Lexical Zero // Русский язык в модели «Смысл – Текст». М., 1995 и др. Кроме того, уместно было бы включение подраздела, где бы анализировались существующие концепции о взаимодействии глагольных категорий, особенно вида и времени, тем более что это взаимодействие ставится в последующей главе практически в центр грамматического разбора каждого примера. То же касается проблемы взаимодействия лично-числовых показателей и видовых форм с императивом, активно обсуждаемой в современной лингвистике (см. хотя бы А.Л. Мальчуков, В.С.Храковский. Наклонение во взаимодействии с другими категориями: опыт типологического обзора // ВЯ. 2015. № 6).

Вторая часть обзорной главы посвящена прагматически обусловленным факторам функционирования исследуемых конструкций. Здесь вводится понятие речевой ситуации и описываются характеристики ситуативного контекста, важные для определения статуса адресанта и адресата. Подчеркивается определяющее для дальнейшего исследования положение о том, что при выборе тех или иных средств адресант ориентируется в первую очередь на особенности адресата сообщения как личности, на то, как именно данный адресат способен воспринимать информацию.

Рассмотрена роль речевых актов как способа взаимодействия адресанта и адресата на основе как классических работ Дж. Остина и Дж. Серля, так и работы Н.И.Формановской (2002), чья классификация речевых актов принята за основу в рецензируемой диссертации. Аргументируется концептуальный выбор прагматического направления анализа. Список работ по прагматическим возможностям языковых средств мог бы быть расширен (напр.: Б.Ю. Норман. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков). Курс лекций. Минск, 2009).

В достаточной мере представлено состояние исследования функционально-смысловых типов речи как возможных контекстов употребления двух из трех типов исследуемых предложений. В данном разделе диссертант опирается как на основоположников данного направления, так и на ряд важных публикаций отечественных лингвистов, прежде всего на работы Т.И. Поповой и К.А. Роговой («Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развёртывания», 2017).

Вторая глава диссертации представляет собственно исследовательскую часть диссертации. Здесь вводятся классификации рассматриваемых предложений и контекстов с ними по типам речевого акта, отдельно для речи персонажа и авторской речи, а также по функционально-смысловым типам речи. Диссертантка показывает, что все три типа односоставных спрягаемо-глагольных предложений встречаются в речи персонажей и участвуют в выражении различных речевых актов, в то время как в авторском повествовании были выявлены только неопределённо- и обобщённо-личные предложения,

что позволяет произвести анализ последних через призму использования в различных функционально-смысловых типах речи.

Исходя из того, что взаимодействие адресанта и адресата происходит при выражении того или иного речевого акта, Л.Л. Мишакова ставит задачу выявить, чем определяется употребление односоставных спрягаемо-глагольных предложений в разных речевых актах, и установить связи между отдельными типами речевых актов и грамматическими значениями глагольных категорий, которые используются для их выражения. Выявлены особенности употребления односоставных предложений, вызванные той или иной интенцией говорящего.

Глагольные категории вида, времени, лично-числовые формы сказуемого анализируются в привязке к социальным и психологическим (Н.Д. Арутюнова) ролям коммуникантов (и отношениям между ними). Существенное место в трактовке примеров на протяжении всего текста работы занимает создание своего рода психологических портретов участников коммуникации – адресанта и адресата, где даются точные личностные характеристики коммуникантов в контексте описания общей ситуации, сопровождающей акт общения. Эти ёмкие зарисовки коммуникативных ситуаций, прилагаемые к каждому примеру, сделаны умело и демонстрируют хорошее знание и понимание исходного текста источника, обеспечивают адекватное установление социальных ролей участников коммуникации и отношений между ними.

Для многих употреблений диссертанту удается установить связи между типом односоставного предложения, формой глагола и функционально-смысловым типом текста и интенцией говорящего. Так, описание ситуации прошлого, наблюдаемой в течение длительного времени, закономерно включает предложения со сказуемым – глаголом несовершенного вида в форме прошедшего времени, в то время как в подтипах «описание качеств человека» и «описание жизни человека», как следует из наблюдений диссертанта, персонаж описывается через его реакцию на потенциально возможные действия других лиц, что реализуется через предложения с главным членом, выраженным глаголом совершенного вида в форме будущего времени (с.138).

Наиболее продуктивными представляются результаты прагматического анализа речевых ситуаций, содержащих неопределенно-личные предложения. В литературе хорошо описаны основные причины и эффекты устранения субъекта в неопределенно-личных предложениях, но диссертанту удается выявить набор до сих пор не отмеченных прагматических возможностей неопределенно-личных предложений и типы коннотаций, порождаемые их употреблением.

Личный вклад диссертанта в описание исследуемого объекта состоит в том, что в применении к материалу проанализированных произведений:

- выявлены контексты и коммуникативные ситуации, провоцирующие употребление того или иного типа односоставных (спрягаемо-глагольных) предложений;
-установлена связь между типом ситуации общения и речевым актом, характерным для данного типа ситуации;
- описаны виды речевых актов, включающие односоставные предложения;
- охарактеризованы составляющие коммуникативных ситуаций, содержащих односоставные предложения, и созданы психологические портреты коммуникантов, что дало возможность применить прагматические параметры при анализе односоставных предложений;
- описан прагматический потенциал и коннотативные эффекты односоставных спрягаемо-глагольных предложений;
- предложен ряд наблюдений над связью глагольных категорий и типом речевого акта, соотнесенностью их с функционально-смысловыми типами речи.

В целом задачи, сформулированные в диссертации на стр.7-8, можно считать решенными. К достоинствам работы причислим тот факт, что она выполнена без орфографических и пунктуационных ошибок. Научный стиль изложения соблюден.

Структура диссертации соответствует поставленным задачам. К работе прилагаются таблицы с количественными подсчетами по разным параметрам исследуемых конструкций.

Перейдем к вопросам и замечаниям.

Вопросы.

1) В Вашей работе Вы последовательно используете (по крайней мере в применении к своему материалу в исследовательской части) не термин *сказуемое*, а термин *главный член* односоставного предложения. Обычно такой выбор (и его строгое приложение) осуществляется при концепциях, отстаивающих совмещение признаков подлежащего и сказуемого в едином главном члене односоставного предложения. Но Вами, как следует со стр. 16, принята иная концепция, вслед за работой [Акимова, Вяткина, Казаков, Руднев, 2009], которая предполагает, что место подлежащего в рассматриваемых структурах имеется, но оно не занято (что, собственно, близко к теории нулевого подлежащего). Просьба уточнить свою позицию. Что побуждает Вас избегать термина *сказуемое* односоставного предложения?

2) В таблице 3 «Классификация речевых актов с семантикой волеизъявления» все выдвинутые параметры содержат указание на положительный или отрицательный признак, т.е. утверждается значимость каждого признака для каждого речевого акта. Нет ли ситуации, когда какой-то параметр оказывается нерелевантным (т.е. +/–)? Например, вызывает сомнение, что при любой побудительной ситуации параметр, названный «Кто стоит выше» (отношения субординации), обязательно должен быть реализован. Неужели просьба закрыть окно, исходящая от жены к мужу, свидетельствует о том, что адресат по параметру субординации «стоит выше»? Может, в таких речевых актах данный признак просто нерелевантен?

Замечания.

1. В работе произведен (в соответствии с целью исследования) анализ того, как передаются «особенности адресанта сообщения, его адресата и отношений между ними с помощью формы главного члена и лексического состава односоставных предложений спрягаемо-глагольного класса» (с.6-7). Такой анализ предполагает установление *закономерностей* при взаимодействии тех или иных параметров / факторов / условий. Часть их выявлена и представлена в Заключении, но часть данных осталась в дескриптивном виде. Поэтому неизбежно возникают вопросы о взаимосвязи между рассмотренными факторами и прежде всего о том, как именно взаимодействует лично-числовая форма глагола со всеми представленными иными факторами, с другими глагольными категориями? Так, при анализе примеров роль лично-числовых форм отмечена не всегда. Особенно это заметно в разделе об определенно-личных предложениях (при том что у них значительный набор лично-числовых вариаций). Например, при рассмотрении комиссивов на стр. 61-64, при всем подробнейшем описании коммуникативной ситуации, характеристик отношений персонажей, их социальных ролей, психологических портретов, а также видо-временных форм и синтаксического контекста, ни разу не обращено внимание на лицо глагола. Так же построено и описание речевого акта упрека и обвинения, где лично-числовые характеристики не включены в рассмотрение для подавляющего большинства примеров (так, нет ни одного упоминания на с.76-79). Не отмечается роль лица и числа при анализе речевого акта согласия и отказа (с.91-95). Не помогает прояснению этой зависимости и Приложение, где статистика лично-числовых форм не пересекается с остальными параметрами.

2. На стр. 57 употребление определенно-личных предложений и с повелительным наклонением глагола, и с изъявительным объясняется одинаково – их участием в диалоге, где нет необходимости именовать адресата и адресанта. Следовательно, не учитывается различие между типами определенно-личных предложений, которые в норме не требуют выражения местоименного подлежащего (при употреблении сказуемого в повелительном

наклонении для использования подлежащего нужны особые условия), и теми, в которых, наоборот, нужны особые причины для отсутствия местоименного подлежащего.

3. При рассмотрении лично-числовых форм авторской речи, думается, необходимо было бы прежде всего охарактеризовать тип повествования, используемый в данных произведениях Бориса Васильева (третьеличный / перволичный), тем самым обосновав причины отсутствия определенно-личных предложений в речи автора (и, соответственно, отсутствия их в материале работы), ведь перволичные формы в русском языке в целом могут использоваться для организации авторской речи (см. Е.В. Падучева. Семантические исследования 1996, с. 206 и далее).

4. Функционально-смысловые типы речи, как известно, помимо коммуникативных и содержательных признаков, представляют собой системную организацию грамматических и лексических элементов. В основе каждой разновидности лежит набор определенных грамматических средств. Чрезмерное дробление каждой разновидности может размыть эти классификационные параметры. Некоторые из выделенных автором подтипов на стр. 147, применяемых далее для анализа, рискуют иметь ситуативный характер. Можно ли вычленить грамматические различительные признаки, напр. рассказа о ситуации, опасной для жизни, и рассказа о совместном времяпрепровождении (ср., напр.: *схватили, подняли, обняли / схватили, повалили, ударили*). Данный момент усложняется и очень небольшим количеством примеров на некоторые ситуации, см. Таблицы на с. 245 и 248.

Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку работы, раскрывающей на избранном материале прагматический потенциал русских односоставных предложений спрягаемо-глагольного класса. Выводы и материал исследования будут полезны при подготовке прагматически и функционально ориентированных дисциплин и спецкурсов по русскому языку, а также при преподавании русского языка как иностранного, включая анализ художественного текста.

Диссертация МИШАКОВОЙ ЛИДИИ ЛЕОНИДОВНЫ на тему: «Односоставные предложения спрягаемо-глагольного класса: фактор адресанта и адресата (на материале произведений Б. Л. Васильева «Завтра была война» и «Не стреляйте белых лебедей»)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель МИШАКОВА ЛИДИЯ ЛЕОНИДОВНА заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Председатель диссертационного совета
Доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры славянской филологии СПбГУ

Иванова Елена Юрьевна

17.09.2020